

**Е.Р. Добрушина
(Москва)**

**Акафист догматическому альтруизму,
или Об оценочных переносах значения религиозной
и философской лексики**

Занимаясь систематическим описанием религиозной и философской лексики¹, я столкнулась с тем, что многие входящие в нее единицы регулярно используются в ненаучных контекстах в переносных значениях, содержащих оценочный элемент. При этом первоначальным значением является именно научное или религиозное: в бытовую речь эти лексемы попали из отнюдь не бытовой сферы. В данной работе я попытаюсь проанализировать употребления в современном русском языке нескольких подобных слов — в частности, тех, которые вынесены в заголовок. Такой анализ представляется мне интересным как сам по себе, так и потому, что я надеюсь приблизиться к ответам на следующие два вопроса. Проявляется ли в факте придания отрицательной оценки словам, первоначально обозначавшим нейтрально или даже позитивно оцениваемые религиозные понятия, религиозный нигилизм, переход с религиозного на атеистическое мировосприятие? Существуют ли какие-то семантические элементы, входящие в состав значения лексем философской и религиозной сфер, наличие которых влечет их освоение нейтральной речью как содержащие оценочные коннотации?

Семантический анализ, проводимый в этой работе, не претендует на точность и будет сводиться к выделению основных смысловых компонентов, очень приблизительно обозначаемых отражающими их значения естественными словами. Эти компоненты будут перечисляться через запятую без попытки связать их каким-либо более изоциренным синтаксисом; компоненты, которые присутствуют часто, но не обязательно, будут помещаться в скобки.

Значение слова содержит оценку, если в его сигнификативное значение входит прагматический компонент ‘это плохо’ или ‘это хорошо’. Слово *белобрысый* содержит отрицательную оценку потому, что его значение можно представить как компоненты ‘блондин’, ‘это плохо’. Ср. со словом *блондин*, которое никакой оценки не содержит. Наибольшая трудность заключается в том, чтобы, обнаружив, что значение используется в иронических контекстах или применяется к отрицательно

оцениваемым понятиям, разобраться в том, содержит ли значение слова компонент 'это плохо' или же это внелингвистическая, социальная или личная оценка, связанная лишь с понятием. Так, очевидно, что слова *нищий*, *нищенство* описывают не слишком привлекательное явление, но отрицательного прагматического компонента не включают, в отличие от слов *попрошайка* или *попрошайничество*. См. об этом, например, в (Кобозева 2000: 88-89), где разграничение значений, «которые называют свойства или явления, за которыми в обществе закреплена определенная оценка», от значений, «в которых эмоционально-оценочное отношение содержится в прагматическом компоненте лексического значения (и значит, это всегда отношение говорящего, а не кого-либо еще)»², проводится на примере слов *скупой* и *скупердяй*.

Я буду опираться преимущественно на материалы Национального Корпуса Русского Языка (далее НКРЯ), и пользуюсь случаем выразить благодарность его создателям: корпус существует очень недавно, но месяц от месяца становится все более совершенным. Материалом анализа будет русский язык с того момента своего развития, с которого он отражен в НКРЯ, то есть со второй четверти XVIII, хотя в первую очередь будут рассматриваться факты современного русского языка в более узком понимании этого термина — то, что происходит непосредственно сейчас.

1. Партийные акафисты

- (1) *«Наша комсомольская организация...» «Я пришел к вам от имени и по поручению...» Хорошо, очень хорошо. Конечно, эти слова партийных **акафистов** должны ласкать розовое ухо верного марксиста, но решительно ничего не гарантировали (М. Кураев, «Разрешите проявить зрелость!..», Знамя, 2000).*
- (2) *Сейчас не упустить, места освобождаются. Признавай, разноси всех, кто против Корифея нового учения, поноси немичуринскую генетику! Брань произносили, как нечто положенное, таков был ритуал посвящения, так же как **акафист** Корифею. Отбирали тех, кто истовее других славил (Д. Гранин, «Зубр», 1987).*
- (3) *Всё, что действительно рвало сердца человеческие, отсутствовало в книгах. Если б не началась война — писателям только оставалось перейти на **акафисты**. Война открыла им доступ к общепонятным чувствам (А. Солженицын «В круге первом», т.1, гл. 26-51, 1968).*
- (4) *Наряду с **акафистами** водородной бомбе и атомной гибели появились издевательские призывы к милосердию (Ю.О. Дом-*

бровский, «Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог», 1943-1958).

- (5) *А слева Чхеидзе поет **акафисты** советам: «Только благодаря революционным организациям, сохранился творческий дух революции, спасающий страну от распада власти и анархии»* (А.И. Деникин, «Очерки русской смуты. Том I. Крушение власти и армии», 1921).

В прямом значении слово *акафист* относится к православной религиозной лексике, обозначает жанр молитвенного текста и является когипонимом к словам *молитва*, *тропарь*, *канон*. Его значение содержит элементы: 'X молитвенно обращается к Y-у' ('молитвенно' — сложный элемент, включающий все компоненты слова *молиться*, описанного чуть ниже), 'Y — Бог или Святой', 'текст', 'похвала X-а Y-у', 'похвала очень явственна'. Переносное употребление этого слова возникает в тех случаях, когда адресатом похвалы является лицо или явление, находящее вне религиозной сферы. В этом случае очень явственная похвала превращается в незаслуженную, или неискреннюю, или вынужденную и появляется прагматическое значение отрицательной оценки: так действовать плохо. Итак, в переносном значении слово *акафист* содержит элементы: ('X молитвенно обращается к Y-у'), 'Y — **не** Бог или Святой', 'текст', 'похвала X-а Y-у', 'похвала очень явственна', 'это плохо'. Элемент 'это плохо' появляется из-за противоречия между первоначальным компонентом 'Y — Бог или Святой' и контекстом, вводящим не соответствующего этой характеристике адресата.

Оговорю, что такое описание основывается на представлении о том, что слово в переносном значении меняется и означает нечто иное, нежели в прямом, что составляющие его смысловые компоненты при переходе от значения к значению становятся другими. Но возможен взгляд, по которому слово в переносных значениях остается самим собой, а из-за его взаимодействия с контекстом по-разному прочитывается значение включающего его фрагмента высказывания. Тогда следует считать, что *акафист* имеет ровно одно значение: 'X молитвенно обращается к Y-у', 'текст, содержащий похвалу X-а Y-у', 'похвала такая, какая должна адресоваться только Y, являющемуся Святым или Богом'. Элемент 'это плохо' следует приписывать не другому значению слова *акафист*, а словосочетанию *акафист кому-либо / чему-либо* с существительными определенного семантического типа в позиции дополнения. Оценка появляется из-за взаимодействия компонента 'похвала такая, какая должна адресоваться только Y, являющемуся Святым или Богом' с неподходящим Y. Именно такая трактовка представляется мне соот-

ветствующей реальной работе языковых семантических механизмов, но она сложна и не применима в лексикографических описаниях, поэтому в краткой работе, во многом опирающейся на толкования из словарей, ее использование показалось мне излишним.

Интересно сравнить оценочный перенос слова *акафист* с употреблением слова *молиться* по отношению к человеку, ср., например, в письме к женщине:

- (6) *В предсмертный печальный час я молюсь только тебе* (А.И. Куприн, «Гранатовый браслет», 1911).

Подобные употребления абсолютно не нормативны для религиозных текстов, как и любое употребление *молиться* в сочетании с адресатом, вводимым предлогом *на*:

- (7) *Музыкальные критики, молитесь на артистов, берегите их, они вам необходимы и для славы, и для хлеба насущного* (С. Спивакова, «Не всё», 2002).

И то, и другое употребление является сугубо бытовым, но не содержит никакого отрицательного оценочного значения. Почему же в случае приложения слова *акафист* к адресату из нерелигиозной сферы возникает негативная оценка, а при аналогичном неканоническом использовании *молиться* — нет?

Я считаю, что дело в следующем: *молиться* в своем основном значении не содержит прямого указания на Бога, а лишь описывает отношение субъекта действия к адресату. В (Добрушина 2006: 68) предложено такое толкование:

Х МОЛИТСЯ Y: (1) 'X словесно или мысленно обращается к Y' (как правило, в отсутствии непосредственного материального (чувственного) контакта с Y); (2) 'X считает, что Y обладает сверхъестественным могуществом и (3) сверхъестественной властью над X'.

То есть тот элемент, который в составе слова *акафист* выглядит как 'X обращается к Y-у', 'Y — Бог или Святой', здесь менее конкретен: 'X обращается к Y-у', 'X — относится к Y так, как относятся к Богу или Святым'. Поэтому если адресат далек от тех, к кому естественно относиться «как относятся к Богу или Святым», то высказывание, в котором слово *молиться* применяется к такому адресату может смотреться неожиданно, но не входит в противоречие с прямым значением слова. Поэтому при таких использованиях слово *молиться* не только не приобретает оценки, но даже не воспринимается как использованное в переносном значении.

2. Хорошего человека альтруистом не назовут!

- (8) *Мне просто на вас смотреть как-то грустно. Идёте и идёте сквозь эту грязь... А так, посидели бы в тепле, послушали бы радио, поболтали с интересным человеком. Я не **альтруист**, просто мне тоже скучно так стоять в этой пробке... Не с радио же разговаривать* (О. Зуева, «Скажи что я тебе нужна...», Даша, №10, 2004).
- (9) *«Я что, похож на **альтруиста**?»* (А. Петренко, «Бизнес должен быть разносторонним», Дело (Самара), 2002.08.24).
- (10) *Но лучше уж знать, кто чего стоит, нежели средствами государственного насилия заставлять всех быть с виду единообразными **альтруистами**, а в сущности — просто притворяться и лишь звоночка ждать, чтобы броситься друг на друга* (В. Рыбаков, «Гравилет “Цесаревич”», 1993).
- (11) *Э-э, да, я вижу, вы и впрямь **альтруист**, — смесь жалости и снисходительности была в его улыбке. — У вас еще молочные зубки остались. Пора бы уже... Как вы дальше жить будете?* (Д. Гранин, «Искатели», 1954).
- (12) *Сама Наташа жила неподалеку, но к себе домой приводить ночью пьяного молодого человека..., не имела никакой возможности, поскольку жила с родителями, которым подобный **альтруизм** вряд ли пришелся бы по душе* (А. Житинский, «Лестница», 2000).

Конечно, высказывание, вынесенное в заголовок этого раздела, звучит резковато. Случается, что слова *альтруист* и *альтруизм* используются с положительной оценкой. Как правило, это происходит в околоинтеллигентских околофилософских рассуждениях, в которых эти слова стоят рядом с *эгоистом* и *эгоизмом*. Так, в 45 документах НКРЯ, содержащих слово *альтруист*, я считаю включающими отрицательную оценку как минимум 15. В бытовой разговорной речи, часто даже в речи носителей языка, не имеющих ни желанья, ни, возможно, умения оставаться в рамках его литературного разговорного варианта, то есть в такой речи, которой, казалось бы, «ученое» словечко *альтруист* должно быть вовсе не свойственно, слово это, тем не менее, появляется регулярно и нередко. И как правило в одних и тех же формулах: *я не альтруист* (ср. ниже с *это не догма*), *ты альтруист*, *что ли и*, наконец, *альтруист хренов*. Убедиться в частотности этого последнего словосочетания несложно —

достаточно запустить поисковик в интернете³. В половине случаев пишущие применяют его к самому себе: *А то я пораздавал, альтруист хренов, а как назад все собрать — не знаю*. Любопытно, что одна из важных функций эпитета *хренов* — это сигнал о том, что характеризуемое слово использовано в переносном значении, как будто бы в кавычках: денотату почему-либо кем-либо приписываются качества, выраженные существительным, но на самом деле он их не имеет. Поэтому, например, *мыслитель хренов* во много раз естественнее и частотнее, чем *дурак хренов*. Ср. из НКРЯ ряд существительных, сочетающихся с этим эпитетом: *писатель, праведник, интеллигентка и интеллигент, романтик, воспитатель* и даже имена собственные в метафорическом употреблении:

- (13) *Тоже мне, Герцен хренов выискался* (Б. Грищенко, «Посторонний в Кремле», 2004).

В прямом значении *альтруизм* — это ‘система ценностей личности, при которой благополучие другого человека является более значимым, чем собственное’. В переносном, отрицательном сюда добавляются компоненты ‘неадекватные результаты’ / ‘глупость’ / ‘неискренность’, являющиеся довольно устойчивыми коннотациями для этого слова, по крайней мере, для определенных социальных групп. Другие слова русского языка, способные обозначать сходную систему ценностей — *доброта* и *добрый человек, хороший человек, порядочность* и *порядочный человек* — подобных регулярных коннотаций не имеют. Причина такой антипатии русского языка к *альтруизму*, на мой взгляд, абсолютно точно описана Н.А. Бердяевым, которого можно цитировать прямо из НКРЯ:

- (14) *Альтруизм выдумал буржуазно-демократический XIX век и хотел подменить им христианскую любовь. ...Альтруизм — слишком человеческий, в нем нет ничего божественного, никакой сверхчеловеческой ценности. ...Альтруизм только переносит буржуазные ценности с «я», на «ты», он всегда хочет для других буржуазного благополучия, а тем украдкой хочет и для «я» воспользоваться буржуазным благополучием* (Н.А. Бердяев, «Смысл творчества», 1913-1914).

А вот та же мысль о замене в значении слова *альтруизм* элемента *любовь* (как *божественная заповедь*) на элемент *принцип* (как *социальная добродетель*), выраженная другим философом:

- (15) *Если бы дело шло об определениях только психологических, тогда можно было бы принять слова *себялюбие* и *дружелюбие*, но для обозначения принципов этических эти слова, как вклю-*

*чающие понятие любви, не годятся, ибо дело тут не в чувствах, а в правиле действия. Можно любить себя гораздо больше, чем других, и, однако, по принципу служить чужому благу как своему собственному. Такой человек, несомненно, будет **альтруистом**, но как назвать его по другой терминологии: себялюбом или дружелюбом? И то и другое одинаково нелепо* (Вл. Соловьев, *Оправдание добра*, 1894-1899).

Итак, значение слова *альтруист* содержит элементы: ‘лицо X’, ‘система ценностей X-а, опирающаяся на его социальную (не религиозную), интеллектуальную (не эмоциональную) позицию’, ‘благополучие лица неX более значимо, чем благополучие лица X’. В разговорной речи слово имеет коннотации: ‘неадекватные результаты’ / ‘глупость’ / ‘неискренность’, и на их основе во многих контекстах появляется элемент ‘это плохо’.

3. Шоры и догматы

Слово *догмат* является представителем большого блока однокоренных слов: *догмат, догма, догматизм, догматик, догматика, догматический* и *догматически, догматичный* и *догматично, догматичность*. Этот блок организован довольно сложно: в его основе находятся существительные *догмат* и *догма*, и семантическое соотношение этих двух слов очень непростое. Все слова этого блока вошли в русский язык до того, как он стал современным; все они присутствуют в представленных в НКРЯ текстах допушкинского периода. В рамках этой статьи я не буду решать вопрос о том, когда и как они попали в русский язык и сразу ли могли использоваться в интересующих меня оценочных употреблениях или приобрели эту способность позже.

Первое, прямое значение слова *догмат* сомнений не вызывает: это основной термин восточной христианской традиции, означающий, ‘богооткровенные вероучительные истины, неоспоримые, не подлежащие пересмотру и изменению’ (Склярская 2000: 82) или более нейтрально ‘одно из основных положений учения о вере, исповедании’ (Даль 1999: Т. 1, 450). Именно это значение рассматривается как первое во всех словарях. Различия в толкованиях, если отвлечься от проблемы пробивающейся интонации религиозного (‘богооткровенные’), нейтрального (‘обязательное для всех верующих’ (ССИС 1993: 210),) или даже антирелигиозного (‘принимаемое слепо на веру’ (МАС 1985: Т. 1, 415)) подходов, не слишком значительны. Ясно, что основным отличительным элементом значения является компонент ‘теоретическое положение’ и компонент, связанный с религией, назовем его ‘вероучительный’.

Второе значение у слова *догмат* (1) или отсутствует, как у В.И. Даля, (2) или отсылает к слову *догма*, при этом ССИС к одному его значению, а МАС к другому, (3) а Д.Н. Ушаков выделяет значение с элементами 'теоретическое положение' и 'основополагающий', охарактеризованное как переносное: 'Отдельное положение какого-н. учения, научного направления, имеющее основополагающий характер' (Ушаков 1994: Т.1, 788).

Что же касается слова *догма*, то здесь все гораздо сложнее. Уже первое его значение в толковых словарях описывается по-разному: (1) у В.И. Даля слова *догма* и *догмат* не различаются, приведены через запятую как синонимы и рассматриваются ровно в одном значении; (2) у Д.Н. Ушакова 'система основных положений какого-н. учения или научного направления', сокращу это до 'система положений'; (3) в более поздних словарях советского периода первым значением оказывается значение, содержащее элемент 'отказ от доказательств': 'положение, принимаемое за непреложную истину, неизменную при всех обстоятельствах' (МАС 1985: Т. 1, 414) или 'положение, принимаемое за непреложную истину, признаваемое бесспорным и неизменным без доказательства, без учета конкретных условий при всех обстоятельствах' (ССИС 1993: 210).

Второе значение у *догма* по Д. Н. Ушакову сходно с первым типа (3): 'положение, утверждение, не допускающее возражений' (Ушаков 1994: Т. 1, 788), а по МАС сходно со вторым значением *догмата* по Д.Н. Ушакову: 'основные положения какого-л. учения' (МАС 1985: Т. 1, 414).

Кроме того, следует учитывать, что в английском, французском и немецком языках слово *догмат* просто отсутствует и с русского переводится как *догма*. Поэтому в переводных текстах часто сохраняется слово *догма* в таком контексте, в котором, будь текст изначально создан на русском языке, наверняка фигурировал бы *догмат*. Например, в Вестминстерском теологическом словаре, переведенном с английского, есть только *догма*, а *догмат* отсутствует (Мак-Ким 2004: 113), а в современной русской Католической энциклопедии, создаваемой русскоязычными теологами, трактуется только слово *догмат*.

Попытаюсь обобщить этот материал, перечислив все допускаемые значения через выделенные основные компоненты толкований:

Догмат — 1. 'теоретическое положение', 'вероучительный' (все словари); 2. 'теоретическое положение', 'основополагающий' (Ушаков, МАС); 3. 'отказ от доказательств' (ССИС).

Догма — 1. 'теоретическое положение', 'вероучительный' (Даль, Мак-Ким); 2. 'система положений' (Ушаков); 3. 'положение', 'основополагающий' (МАС); 4. 'отказ от доказательств' (ССИС, МАС, Ушаков).

Проверим, действительно ли в НКРЯ можно найти примеры, иллюстрирующие все эти значения:

Догмат 1. 'теоретическое положение', 'вероучительный':

- (16) *Национальным символом Ирландии считается трилистник, или «шамрок», при помощи которого, как гласит легенда, Патрику удалось объяснить ирландским королям, в чём состоит **догмат Троицы** («Об Изумрудном острове, кельтах, Св. Патрике, погоде и современном образовании», Туризм и образование, 2001.03.15).*
- (17) *Святитель Иоанн Златоуст писал: «Еретические учения, несогласные с принятыми нами, должно проклинать и нечестивые **догматы** обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться об их спасении» (О. Стеняев, «“Сыны Громы” против самарян», Наш современник, 2004).*

Таких примеров очень много. А вот примеров на второе и третье из выделенных значений совсем мало, при этом граница между *догмат 2* и *догмат 3* почти не различима. Найти пример, в котором значение *догмат 2* было бы использовано совсем без идеи отрицания, опровержения, неверного принимаемого за верное, мне не удалось. Вот примеры, являющиеся, на мой взгляд, наиболее подходящими кандидатурами для иллюстрации этих значений:

Догмат 2. 'теоретическое положение', 'основополагающий':

- (18) [О Раскольнике] *Мысль о счастье, как оправдании, уже возведена в теорию, тоже маниакальную, но уже преступную и кощунственную, и притом в самом **догмате** своём, а тащить её осуждён очаровательный мальчик, нежный, сильный и даже умный (И. Анненский, «Вторая книга отражений», 1909).*
- (19) *Миф о глубокой прозорливости **догматов** Маркса, переставших работать уже на исходе XIX века, упорно протаскивается в век XXI (С. Голубицкий, «Преодоление виртуальности», Бизнес-журнал, 2004).*

Догмат 3. 'отказ от доказательств':

- (20) *Теперь можно всех несогласных с Медицинскими **догматами** объявлять еретиками, лишать работы, изгонять из общества; всех, кто отказывается обращаться за помощью к жрецам-врачам, объявлять сумасшедшими и лечить насильно; но, главное, государство заставляет миллионы людей покупать медицинскую страховку, которая является не чем иным, как скры-*

тым налогообложением в пользу новой Церкви, и приносит ей неслыханные барыши (И. Ефимов, «Суд да дело», Звезда, 2001).

Изучив базу примеров, прихожу к выводу, что со словом *догмат* дело обстоит так: оно имеет жестко закрепленное за ним прямое значение, содержащее элементы ‘религия’, ‘основополагающее положение’, ‘принятие через веру’. Вне религиозного контекста употребления этого слова воспринимаются как метафорический перенос: ‘основополагающее положение’ в нерелигиозной области описывается как сходное с религиозными по компоненту ‘принятие через веру’. Религия — единственная область, где «принятие через веру» нормально, допустимо, потому что только в религии существуют богооткровенные истины, данные подвижникам через мистические прозрения. В любой другой области «основополагающие положения» должны опираться на рациональные основания, поэтому и возникает отрицательная оценка. Разделение этого переносного значения на два считаю не подтвержденным текстами: думаю, что контексты типа *Догмат 2*. ‘положение’, ‘основополагающий’ отличаются от контекстов *Догмат 3*. ‘отказ от доказательств’ только большей выраженностью отрицательной оценки в окружающем слово контексте.

Итак, *догмат* в переносном значении: ‘нерелигия’, ‘основополагающее положение’, ‘принятие через веру’, ‘это плохо’.

Таким образом, слово *догмат* само по себе никакой оценки не содержит, а принимает ее при использовании в контексте, исключающем обязательный компонент первоначального значения ‘религия’. Поэтому его применение с отрицательной оценкой в контексте, не указывающим прямо на нерелигиозную область, является сомнительным, как сомнительны, на мой взгляд, с точки зрения «культуры речи» использования этого слова в следующих примерах:

(21) *Чем шире и разнообразнее будет обсуждение жесткой реальности и возможных альтернатив будущего пути нашего народа и нашей Родины, чем меньше будет шор и догматов, тем мы скорее нащупаем брод в реке событий...* (С. Ткачев, «“Устойчивое развитие”: Спасение человечества или “тroyанский конь”?»), Наш современник, 2003).

(22) *Эта книга не догмат* (А. Бек, «Талант (Жизнь Бережкова)», 1940-1956).

Думаю, что более удачным в обоих случаях было бы слово *догма*, оценочный компонент в котором имеет совсем другой статус, не требующий

специального контекста. Проверим, как представлены в НКРЯ примеры, иллюстрирующие выделяемые словарями значения слова *догма*:

Догма 1. 'теоретическое положение', 'вероучительный' (синоним к догмат):

(23) *Некоторые стали печатно объявлять, что Пушкин был деист, а не христианин; точно как будто бы они побывали в душе Пушкина, точно как будто бы Пушкин непременно обязан был в стихах своих говорить о высших догмах христианских, за которые и сам святитель церкви принимается не иначе, как с великим страхом, приготовя себя к тому глубочайшей святостью своей жизни (Н.В. Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», 1843-1847).*

(24) *Афанасий Великий, раскрывая истинную догму о Троице, опирался на того же Оригена, пользовавшегося в то время в церкви тем высоким авторитетом, который он вполне заслуживал (Вл. Соловьев, «Чтения о Богочеловечестве», 1878).*

Догма 2. 'система положений':

(25) *Нет сомнения, что историко-догматическая сторона в преподавании уголовного процесса везде должна занимать подобающее ей по праву место, но думается, что настало время наряду с историей и догмой осветить и те разнородные вопросы, возникающие в каждой стадии процесса, которые подлежат разрешению согласно существенным требованиям нравственного закона — этого *non scripta, sed nata lex* (А.Ф. Кони, «Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики)», 1895).*

Догма 3. 'положение', 'основополагающий':

(26) *Тут молодой врач с искренним удовольствием увидел, что его жена не только *gnadige Frau*, но и многосведущая масонка, благодаря покойному пастору, бывшему сильным деятелем ложи строгого наблюдения, который старался передать молодой жене главные догмы масонства и вместе с тем познакомил ее с разными немецкими и русскими масонами (А.Ф. Писемский, «Масоны», 1880).*

Догма 4. 'отказ от доказательств':

(27) *На самом верху, казалось Лиссу, царил третий характер, — там умещалось восемь-девять человек и бывали допускаемы*

ещё пятнадцать-двадцать, там существовал мир, лишённый догм, там свободно судили обо всем (В. Гроссман, «Жизнь и судьба», часть 2, 1960).

- (28) *В то же время приписывание какой-то научной теории статуса безусловно истинной изымает её из научного употребления, где она всегда может быть поставлена под сомнение и стать объектом критики и опровержения, превращая её тем самым в ненаучную догму* (В. Куренной, «Наука в современном мире», Отечественные записки, 2003).
- (29) *Дело другого рода, если вкус к этой диалектической гимнастике распространяется в обществе. Там боец с некоторым авторитетом легко делается кумиром. Его мнения возводятся в догму, и, смотришь, они уже проскользнули в литературу* (И.М. Сеченов, «Рефлексы головного мозга», 1863).
- (30) *В театре, как нарочно, давали «Льва Гурыча» и какой-то балет; в том доме, где я во время масленицы — этих русских сатурналий — имел право, сообразно предписаниям родительским, быть два раза в неделю, — я уже успел быть два раза, и уйти туда в третий было бы решительным возмущением против домашних догм* (А.А. Григорьев, «Роберт-дьявол», 1846).

Примеры типа Догма 4. 'отказ от доказательств' абсолютно превалируют в НКРЯ над примерами первых трех типов. Утонув в оборотах *это не догма, ломать догмы, стесненные догмами, оспаривать догмы, не превращать в догму, возводить в догму* и др., я сначала отчаялась было отыскать примеры на неоценочное употребление, но вовремя вспомнила, что можно ограничить период поиска. Употреблений слова *догма* в текстах, созданных до 1900 года, оказалось гораздо меньше, чем в более поздних: 13 документов против 256. Между тем, аналогичное соотношение для *догмат*: 106 к 206⁴. И именно в 13 документах позапрошлого века легко нашлись почти пропавшие позже неоценочные употребления. По-видимому, как это отражено и в нумерации значений толковыми словарями, к середине XX века слово *догма* стало восприниматься в первую очередь в оценочном значении и поэтому практически перестало употребляться в первых трех значениях. Возможно, дело в том, что с легкой руки одного известнейшего догматика афоризм «*марксизм не догма, а руководство к действию*» превратил в языке Страны Советов это слово в сугубо оценочное и очень популярное. Ныне оно, в отличие от явно спе-

циализированного и малоизвестного *догмата*, активно фигурирует в разговорной речи, вплоть до текстов объявлений о знакомствах:

- (31) *Мне достаточно, если Вы стройная, миловидная, сексуальная, стильная, смуглая брюнетка 175 / 58:)* Впрочем, это не **догма** (Женщина + мужчина: Психология любви, Форум на eva.ru, 2005).

Даже в научных контекстах, в которых, казалось бы, вполне уместны значения *Догма 2*. ‘система положений’ и *Догма 3*. ‘положение’, ‘основополагающий’, обычно используются иные слова (*основные положения* и др.), а слово *догма* появляется тогда, когда речь идет о вызовах, противоречиях, ниспровержениях:

- (32) *При этом я отдаю себе отчёт в том, что эти акценты и приоритеты не всегда совпадают с устоявшимися **догмами** и официальными установками («Вирусные гепатиты (материалы доложены на 8-м съезде Всероссийского общества эпидемиологов, микробиологов и паразитологов)», Вопросы вирусологии, 2005).*
- (33) *Интерес научного сообщества к изучению ТГЭ был вызван прежде всего предположением о том, что инфекционным агентом при этих заболеваниях является изоформа хозяйского белка без участия молекул ДНК или РНК. Это предположение противоречило основной **догме** молекулярной биологии. Тем не менее огромное количество экспериментальных данных подтверждало эту гипотезу («Прионные болезни человека и животных», Вопросы вирусологии, 2004) .*
- (34) *Стены эволюционного здания опять затряслись. Мало того, что на нашей ветви снова стало тесно, мало того, что новый ее насельник оказался старше и ардипитека, и оррорина, так он еще бросил вызов одной из самых устоявшихся **догм** всей палеоантропологии (Р. Нудельман, «Эволюция науки об эволюции: у начала начал?», Знание — сила, 2003).*
- (35) *Здесь мы имеем дело со второй канонизированной **догмой**, особенно распространенной среди непрофессионалов: все свойства клетки и даже многоклеточного организма однозначно записаны в последовательности ДНК (Е.Д. Свердлов, «Великое открытие: революция, канонизация, догмы и ересь», Вестник РАН, 2003).*

Нынешний этап я бы охарактеризовала так: слово *догма* в религиозных контекстах имеет значение, синонимичное прямому значению слова

догмат, но выбор именно синонима *догма* связан скорее с сохранением слова из оригинала при переводах с других языков. В целом использование *догмат* превалирует и, по-видимому, должно быть рекомендовано как нормативное при описании православной традиции. Употребления, включающие компоненты ‘положение / система положений’ и ‘основополагающий’, являются устаревшими или устаревающими.

Авансцену прочно занимает слова *догма* в значении, включающем выраженный отрицательный прагматический элемент: (‘основополагающее’), ‘положение’, ‘не подвергаемое сомнениям’, ‘это плохо’. Это значение уже не воспринимается как переносное, каковым является только по происхождению. По-видимому, оно отражает картину мира, в которой любые теоретические положения, и тем более основополагающие, всегда должны подвергаться сомнениям и регулярно проверяться.

Что касается других слов с теми же корнями (*догматизм*, *догматик*, *догматика*, *догматический* и *догматически*, *догматичный* и *догматично*, *догматичность*), то часто определить, связаны они с *догмат* или с *догма*, очень непросто. Все они способны употребляться с отрицательной оценкой, думаю, что организованной так же, как у слова *догма*. При этом слова *догматизм*, *догматический* и *догматически* без оценки практически не употребляются.

4. Заключение

Для рассмотренных слов были предложены следующие схематические описания семантики:

Акафист, прямое значение: ‘Х молитвенно обращается к Y-у’, ‘Y — Бог или Святой’, ‘текст’, ‘похвала X-а Y-у’, ‘похвала очень явственна’.

Акафист, переносное значение: (‘X молитвенно обращается к Y-у’), ‘Y — не Бог или Святой’, ‘текст’, ‘похвала X-а Y-у’, ‘похвала очень явственна’, ‘это плохо’.

Альтруист, прямое значение: ‘лицо X’, ‘система ценностей X-а, опирающаяся на его социальную позицию’, ‘благополучие лица неX более значимо, чем благополучие лица X’. Коннотации: ‘неадекватные результаты’ / ‘глупость’ / ‘неискренность’, ‘это плохо’.

Догмат, прямое значение: ‘религия’, ‘основополагающее положение’, ‘принятие через веру’.

Догмат, переносное значение: ‘нерелигия’, ‘основополагающее положение’, ‘принятие через веру’, ‘это плохо’.

Догма, переносное значение, превратившееся в основное: (‘основополагающее’), ‘положение’, ‘не подвергаемое сомнениям’, ‘это плохо’.

Анализ слов *акафист* и *догмат* показывает, что при переносе слова, в значение которого входят элементы ‘религия’, ‘Бог’, на обозначение

не связанных с религиозной сферой денотатов, появляется отрицательный компонент значения. Происходит это, по-видимому, потому, что в языковой картине мира определенные отношения и действия допустимы, только когда связаны с Богом. Анализ особенностей употребления слова *альтруист* приводит к предположению о том, что идеи доброты, самоотверженности, жертвенности плохо сочетаются в русском языковом сознании с социальным, а не религиозным аспектом.

Примечания

¹ Начиная с 2006 года группа филологов и богословов из московского Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (ПСТГУ) работает над созданием толкового (лингвистического) словаря религиозной лексики.

² Такое разграничение особенно важно для религиозной лексики, существенная часть которой обозначает оцениваемые в рамках определенной конфессии явления. Например, в процессе обсуждения словарной статьи для *автокефалисты* («участники церковно-политического движения, связанного с идеей автокефалии украинского Православия») мне пришлось убеждать коллег-богословов в том, что слово заслуживает не пометки «пейоративное», но всего лишь примечания к толкованию в энциклопедической, то есть нелингвистической, зоне: «с точки зрения православия, движение является неканоническим».

³ Присоединяясь к мнению многих русистов, см., например, (Кронгауз 2007: 192), и вопреки необходимости бороться с навязчивым мнением спел-чекера, считаю современным и правильным орфографическое оформление слова «интернет» как имени нарицательного, а не собственного.

⁴ Приведу более подробное разбиение количества документов, содержащих обсуждаемые слова, по годам: *Догма*: X-1900 — 13, 1900-1920 — 10, 1920-1940 — 13, 1940-1960 — 11, 1960-1980 — 22, 1980-2000 — 57, 2000 — 156. *Догмат*: X-1900 — 106, 1900-1920 — 39, 1920-1940 — 31, 1940-1960 — 10, 1960-1980 — 13, 1980-2000 — 43, 2000 — 81.

Литература

Добрушина, Е.Р.: 2006, 'О ножках у стола и чешуйках на хвосте у крысы (проблема различения лингвистической и энциклопедической информации в лексикографических толкованиях)', *Разноуровневые характеристики лексических единиц*, Смоленск.

Католическая энциклопедия: 2002, Т. 1, Москва.

Кобозева, И.М.: 2000, *Лингвистическая семантика*, Москва.

Кронгауз, М.А.: 2007, *Русский язык на грани нервного срыва*, Москва.

Мак-Ким, К. Дональд: 2004, *Вестминстерский словарь теологических терминов*, Москва.

МАС: 1985, *Словарь русского языка в 4-х тт.*, под ред. А.П. Евгеньевой, Москва.

Склярская, Г.Н.: 2005, *Словарь православной церковной культуры*, Москва.

ССИС: 1993, *Современный словарь иностранных слов*, Москва.